

И немедленно выпил

открылась выставка Анатолия Зверева

||| СЕРГЕЙ САФОНОВ

Столичная галерея «Дом Нащокина» вновь обратилась к тому сорту искусства, показом которого некогда сумела прославиться: к творчеству неофициальных шестидесятников. На этот раз героем ее романа оказался Анатолий Зверев (1931—1986), художник столь же легендарный, сколь и неровный. К чести устроителей большинство экспонатов выставки демонстрируют лучшие грани дарования этого знаменитого экспрессиониста времен хрущевской оттепели.

Бывают художники, универсальные в смысле зрительского интереса, но встречаются и такие, которые будто специально созданы для узкого круга почитателей. Зверев — парадоксальный персонаж московской художественной сцены послевоенных лет, сумевший объединить оба амплуа в борьбе за признание. Его имя давно стало символом и мифом

для либеральной советской (и постсоветской) публики; с другой стороны, несмотря на десятилетия, прошедшие после завершения его не всегда трезвой и осмысленной жизни, живописец и график и сегодня нисколько не растерял поклонников из числа прежних личных знакомцев. Во всяком случае, на вернисаже это очень чувствовалось.

Таким Анатолия Зверева запомнили многие современники (фото конца 1950-х)

Зверев еще при жизни был причислен к создателям «стабильных художественных ценностей»; можно быть уверенным в том, что ближайший Антикварный салон неизбежно выбросит на рынок десятки опусов, с разной степенью достоверности выдаваемых за «того самого» Зверева. Усилиями кураторов другой галереи, «Кино», года три назад была предпринята попытка упорядочить зверевский миф. Прошла выставка в ГТГ, был подготовлен роскошный каталог — на манер изданий, случающихся при завершении исследования той или иной искусствоведческой темы. Но участники современного арт-процесса по-прежнему хотят видеть Зверева — пусть и не создающего новых работ, а лишь присутствующего на выставках вещами из частных собраний и музейных коллекций. Этот художник — одна из немногих фигур «другого искусства», не провоцирующая пересмотр собственной репутации по прошествии времени.

В судьбе Зверева хватало несогласующихся поворотов. Несколько месяцев учебы в Московском областном художественном училище памяти 1905 года и исключение из него, золотая медаль, полученная в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов из рук знаменитого Сикейроса, годы бездомных скитаний по знакомым, похвалы Пикассо и первые зарубежные выставки, организованные дирижером Игорем Маркевичем в Париже и Женеве в 1965 году. И смерть — от аполексического удара в малогабаритной квартирке где-то в Свиблово. Нынешняя экспозиция в «Доме Нащокина» — никакой не фундаментальный труд, подводящий итог сокровенному знанию об авторе, всей своей жизнью способном проиллюстрировать бессмертную книгу Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Зато у новых поколений зрителей есть возможность видеть виртуозные анималистические рисунки, множество пейзажей и натюрмортов, портреты современников, в ряду которых обнаружались знаковые персонажи разных эпох — от генералиссимуса Сталина до нонконформиста Немухина.